

МИР ВЧЕРАШНИЙ,

РУССКИЕ

«Нума Помпилий простился тогда с городской жизнью. Большею частью он жил в деревне, проводил время то в священных рощах, то в безлюдных местах, вследствие чего и распространился слух о его знакомстве с одной богиней. Говорили, что Нуме выпало на долю высокое счастье иметь ее своей женой, что он, счастливее, проводит время в обществе любившей его нимфы Эгерии и что ему стали доступными божеские тайны.

Очевидно, все это походит на те сказания, которыми так богата глубокая древность», — замечает недоверчивый Плутарх, пересказав одну из красивейших легенд античного мира — историю любви нимфы божественного происхождения Эгерии к земному человеку, второму царю Древнего Рима Нуме Помпилию, — между прочим, «поклоннику крайней демократии, стороннику народа», как характеризует его тот же Плутарх. Нелегко

ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

ЭГЕРИИ...

управлять людьми свободными! Мудрая Эгерия была советчицей Нумы Помпилия. Впрочем, это всего лишь легенда.

Однако легенда, оставившая глубокий след в истории. Имя собственное «Эгерия» в нашем столетии стало нарицательным. Эгериями называют прекрасных вдохновительниц выдающихся людей — государственных мужей, музыкантов, художников. Недавно выпущенная во Франции книга Гонзага Сен-Бри и Владимира Федоровского называется «Русские эгерии». Как известно, судьба русской эмиграции во Франции в начале века сегодня вызывает большой интерес и ученых, и писателей. Авторы книги рассказывают о судьбах русских женщин, которым выпало на долю быть избранницами крупнейших художников XX столетия. Главы из этой книги, опубликованные в журнале «Пари-матч», перепечатываются с некоторыми сокращениями.

● Матисс. Портрет Лидии.

Лидия,

славянская

Грета Гарбо

...«У этого человека Солнце во чреве», — сказал Пабло Пикассо об Анри Матиссе. Матисс обожал юг, Ниццу, обожал выбирать для своих портретов модели, у которых «груди полны, как фляги кьянти». Но настоящая любовь Матисса, его вдохновительница родилась в том краю, само название которого служит для всего мира символом северных морозов. «Когда подступает тоска, я рисую портрет мадам Лидии...». Эгерию Матисса звали Лидия Делекторская. Она была похожа на славянскую Грету Гарбо. В течение двадцати двух лет Лидия Делекторская — в одной то же время модель и ближайшая сотрудница художника. С ее

многочисленных изображений, сделанных Матиссом и хранящихся в Метрополитен-музее в Нью-Йорке и Петербургском Эрмитаже, нас встречает ее необыкновенный взгляд, и как легко потеряться в глубине глаз, где бесконечная голубизна смешалась с мягкими переливами морского тумана.

Они впервые встретились в 1917 году в Ницце. К этому времени Матисс уже был хорошо знаком с Россией. Впервые приехал сюда осенью 1911-го начинающий живописец, не добившийся успеха на родине Сергей Щукин сказал ему: «Публика против вас — но за вами будущее». Франция не желала принимать его, но мир уже видел в Матиссе большого художника. Именно

в Москве он с грустью признается журналисту: «Я работаю только для Америки, Англии и России».

Когда Лидия встретила Матисса, она уже была женщиной, пережившей три бурных романа. Героем первого был Борис Пастернак — сибирское детство Лидии было, точно у героини «Доктора Живаго», детство в снегах, пришедшее на эпоху гражданской войны. В те годы она потеряла родителей — сначала отца, врача из Томска, а затем маму, умершую от холеры во время эпидемии, свирепствовавшей в Сибири в начале двадцатых.

Антураж второго романа может напомнить «Любовника» Маргерит Дюра. Осиротевшая Лидия живет в холодном доме, принадлежащем русской коло-

нии в Маньчжурии, в Харбине. Офицеры, искатели приключений, мечтатели и отчаявшиеся отщепенцы, предприниматели, обманывающие доверчивых поселенцев... Она учится в русском лицее. Богатый китаец, пожелавший купить дом ее тети, увидев прекрасную русскую блондинку, влюбляется с первого взгляда. Он предлагает ей руку и сердце. Лидия колеблется. Год на размышление — китаец согласен: она уезжает с тетей во Францию... и не возвращается. В Париже встречает героя своего третьего романа — и это уже атмосфера «Игрока» Достоевского. Русский эмигрант, из холостяков самых закоренелых, женится на ней. Когда Лидия встретила его, ей едва исполнилось девятнадцать. Предстоял год очень трудной любви, закончившейся жестоким разочарованием. Он игрок, алкоголик игры. Он клянется больше не играть, но всегда возвращается в казино, пропадает там все ночи напролет... Пока Лидия, в одиночестве стоя у открытого окна, глядит в ночной сад и ожидает, что равнодушный рассвет положит конец очередной мучительной ночи без сна, крупье в казино сгребает лопаточкой то, что еще осталось от этой любви, тающей, словно шагреновая кожа. Через год Лидия оставляет его. Она чувствует себя одинокой, одна во всем мире — русская нимфа без средств, без связей, без поддержки, однако не потерявшая смелости. Лидия Делекторская из тех женщин, что, оказавшись в трудную минуту в одиночестве, умеют подниматься над

трудностями и лучше мужчин переживают несчастья.

Эту пору своей жизни Лидия живет, даже не борясь с чувством внутренней пустоты. До встречи с Матиссом еще пройдут трудные годы... Впрочем, она, настоящая русская эгерия, проявляет неподдельный интерес к искусству. Уже будучи хозяйкой маленького, окруженного сиренью домика в Иль-де-Франс, вспоминала: «В октябре 1934 г., в трудный период моей жизни, когда я решила переехать из Парижа в Ниццу, мне очень помогла работа с Матиссом. Он писал тогда свой знаменитый «Танец», и ему требовалась мастертская. Получилось так, что я вновь нашла для себя Матисса... и теперь уже не расставалась с ним двадцать два года. Хотя, по правде говоря, я не принадлежала к его избранному типу женщин. Большинство вдохновлявших его моделей были южанками. Я же была очень светлой блондинкой». Матисс не только писал ее, но и фотографировал — в его архиве до сих пор сохранилось много фотографий, на которых запечатлена женщина со странным, завораживающе светлым взглядом. Но и в этой голубоглазой блондинке художник любил дикую, необузданную сторону характера, экзотичность натуры. Рассердившись, называл ее «киргизом», хотя почти невозможно было увидеть какое-нибудь сходство между обликом типичной «Русской нимфы» и восточными «темными ликами» азиатов.

Абсолютная верность и совершеннейшее бескорыстие, которое Лидия Делекторская

проявила в отношениях с Матиссом, делают ее, наверное, самой привлекательной из русских эгерий. Что такое подлинное счастье? Толстой писал, что люди страшно ошибаются, представляя себе счастье, как исполнение своих желаний. Как далеко было такое представление о счастье от психологии русских эгерий! В их жизни были одиночество, изгнание, мучительное неверие в себя, горе и ожидание лучших дней. Была и большая счастливая любовь — не к сказочным принцам из розовых волшебных историй, а к мужчинам, выбравшим рискованную судьбу творцов. Мечты детства иногда сбываются... И «русские эгерии» умели с полуслова понимать своих избранников — сложнейших художников сложнейшей эпохи. ... Как-то, в самом конце жизни Матисса, когда каждое движение было для него уже мучительно, к нему пришли почитатели его таланта. Внезапно Матисс громко крикнул из спальни: «Шампанского!» Гости ожидали увидеть рюмки с золотистым напитком... но Лидия вошла с парой кистей в руках. Она-то знала, что Матисс, нетерпеливый, как всякий творец, не хотел терять ни минуты, оставаясь неистовым в творчестве до самого последнего дня.

Материал подготовил
Д. САВОСИН.

● Лидия Делекторская и Анри Матисс.

Фото из журнала
«Пари-матч».

